

Страшные сказки

Автор:

Алексей Евстафьев

Страшные сказки

Алексей Николаевич Евстафьев

Небольшой сборник сказочных историй с элементами абсурда. Использование народных, фольклорных и мистико-религиозных сюжетов. Книга содержит нецензурную брань.

Страшные сказки

Алексей Николаевич Евстафьев

© Алексей Николаевич Евстафьев, 2022

ISBN 978-5-4493-4957-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕЛО МАСТЕРА БОИТСЯ

(ПРО ТО, КАК В ОДНОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДКЕ ТВОРИЛОСЬ НЕЧТО НЕВООБРАЗИМОЕ)

У одной девочки отец был гробовщик. Мать тоже когда-то была и работала на местной кожгалантерейной фабрике, да там и померла однажды. Не вернулась домой со смены. Причём, на здоровье-то особо не жаловалась, лишь сетовала на какие-то пустяки с дыханием. А оказалось, что вовсе это были и не пустяки.

И осталась девочка с отцом жить. Домик такой у них, знаете, на пригорочке. Небольшой огородик, курочки. Жили они довольно припеваючи, поскольку люди вокруг умирали один за другим – только успевай работать. А наш гробовщик своё дело знал назубок, и за пару часов такую знатную домовину для покойного мог смастерить, что иные живые обзавидуются!.. Лежи себе с миром и поджидай Царствия Небесного.

Но вот однажды в городок приковыляла странная старушка и принялась милостыньку просить, и граждане накидали ей чуть ли не миллион. Нет, меньше, конечно, миллиона, но старушка всё равно обалдела от счастья. «Я, – говорит. – во многих городах мира попрошайничала, и отовсюду меня гнали в шею, а тут просто чудо какое-то. Я, – говорит. – теперь вас всех полюбила безмерно, а потому каждого отблагодарю. Все будут довольны.» И наколдовала так здорово, что люди в городке совсем перестали умирать, а некоторые даже родились заново. Ходят такие, как ни в чём не бывало, за барышнями ухаживают: пуси-муси, лясси-тряси, дескать! стерпится да слюбится!.. Вся палитра чувств, можно сказать, на лицо. Вся монохромная гамма.

Год проходит – никто не умирает, другой проходит – все вокруг счастливы и зажиточны, а только наш гробовщик с дочкой терпят нужду и голод: работы-то нет!.. Из соседнего села два заказа поступило, так этих денег на две недели и хватило.

И вот однажды гробовщик подзывает к себе девочку, ласково поглаживает её по головушке и говорит:

– Девочка, а девочка! А не хочется ли тебе сегодня чего-нибудь покушать?..

– Очень хочется. – говорит девочка. – Виданое ли дело: семь дней не кушать... Отощала!

– Вот и я о том же толкую. – посапывает осерчалым фитильком гробовщик. – Получается так, дорогая девочка, что пришло время тебе о семье порадеть. Позаботиться о пропитании. Хошь – иди на фабрику работай, а хошь – поступай как знаешь, но чтоб сегодня к вечеру, у нас в доме, стол был накрыт. Сколько ж можно тощать?..

Девочка не очень долго думала, а папеньке в ноженьки поклонилась и куда-то там пошла. Не сказала – куда.

А в этом же городке жил один морячок, который любил ходить купаться на речку. Он своё на флоте отслужил и домой вернулся. Тоже домик с огородом заимел, с курочками. Вроде даже глиняными свистульками приторговывал. Но я сам лично не знаю, утверждать не буду.

И вот не отпускала его от себя водная стихия, куражилась отчаянно и штормила. Так и манила с головой окунуться в этикие-нибудь нептуновы глубины. Оно, конечно, можно иной раз и в корыте искупаться, чтоб семь футов под килем зачудить – но интересу в этом мероприятии для шибко гораздого человека на раз-два-и-обчёлся.

Вот и ходил этот морячок купаться на реку каждый день, а однажды взял и утонул. Водолазы его быстро вытащили из-под коряги, поплакали сколько надо, а потом говорят гробовщику: пришло времечко и тебе поработать, мил-человек! смастери-ка нам гроб для морячка, а мы не поскупимся на оплату!.. И не поскупились.

Всякий, кто из горожан заглядывал этим вечером к гробовщику домой, тот надивиться не мог: стол у гробовщика всяческими яствами заставлен, мадерка заграничная в бокалах плескается без устали, а сам гробовщик с доченькой сидят напившись да наевшись – словно огузки налитые – сидят, друг с другом мало говорят: через слово рыгнут, через два пукнут!.. Ну, вроде, жизнь маленько налаживаться стала.

А ещё в этом же городке, неподалёку от леса, жил дровосек. Всякий с ним дружил, всякий о нём отзывался, как о весьма добродушном и отзывчивом человеке. Всегда-то он ходил со своим любимым топориком и весёлую песенку насвистывал. Многонько он знал трудолюбивых куплетов, унынию дороги привольной не давал, лентяев и лоботрясов весело подзуживал. Зверушек тоже

лесных любил со всей очевидностью. Как ни пойдёт в лес, так хлебца с собой захватит – то белочку накормит, то лосяшку угостит. С топыгиной семейкой, бывалоча, на одном брёвнышке посидит, в картишки поперекидывается, а проигравшему щелбанов отвесит. Натуральное совпадение противоположностей.

И вот пропал вдруг дровосек, никто его не видит и песенок не слышит. Был человек – и нет человека. Собрали взвод солдат и отправили в лес искать: мало ли, может, заблудился человек с недосыпу или медведи зверским инстинктам поддались и сожрали своего благодетеля!.. Природу хищника щелбаном не перешибёшь.

И вот ходят солдаты по лесу, ищут, а никого найти не могут. И совсем приуныли с этих дел, сапоги стоптали. Хорошо, один солдатик глазастый был, увидел что-то там в прорези лесной, закурлыкал шибко: смотрите-смотрите!.. Все смотрят: а сидит дровосек на пеньке, трубочку в руках держит и помалкивает беспросветно. Поскольку сидит без головы. Голова-то рядышком валяется в несущественном виде, лишь глаза ейные вытарашены до чрезмерного изумления. И топорик дровосековский лежит поблизости – сразу видно, что им голову и отрубили.

Тут уж, конечно, всему народонаселению, от мала до велика, погоревать пришлось. Флаги на государевых заимках приспустили. Но и про гробовщика не забыли: приступай-ка, мастер, за привычную работу! дело мастера боится!.. вот тебе рупь золотом!.. (А по тем временам рупь золотом – это были деньги немалые, я вам скажу. Очень даже большие деньги были по тем временам. Иной раз и склад купеческий можно было за рупь золотом прикупить, да ещё какой замечательный склад!.. Просторный, на все 550 кв. м., на фундаменте из силикатного кирпича и с комплектом из металлоконструкций для обшивки сэндвич-панелями – вот такой склад!.. а вы говорите...)

– Ради памяти хорошего человека, расстараясь во всю мочь. – обещает гробовщик. – Могу из амаранта-дерева домовину сколотить, могу из палисандра цельный похоронный шкаф обделать, а могу из ксилокарпуса этакий гроб смастерить, что сам Пушкин на том свете обзавидуется. Но дороже выйдет.

– Валяй. – говорят ему. – Колоти гроб из ксилокарпуса. Деньги – что? Деньги – пшик!!

– Значит, как у Пушкина?..

– Ну да.

А Пушкин-то – это который Александр Сергеевич, он в нашем городке завсегда-то был. Его у нас хорошо знали и уважали. Ну, сообщаю, чтоб вы знали.

И совсем благостно зажили с тех пор гробовщик с дочкой. Что ни день, то милиция в подворотне бабу мёртвую найдёт с брюхом выпотрошенным, что ни ночь, то в канаве купца выловит с карманами распотрошёнными. А родственники убиенных порядок законный знают наперечёт: сперва изволь наплакаться вдоволь, насетоваться на судьбу-злодейку, а затем – будь любезен – похорони покойника в гробу и с оркестром. Ну, и денежку за гроб – будь любезен – выложи. Из палисандра-то гробы весьма полезные получаются: хошь родственника своего хорони, хошь заместо пианино на нём тренькай. Покупатель всегда прав.

И вот совсем уж городок вымер – человек с пятьсот осталось, да и те на улицы носов не кажут. Вроде даже некоторое шатание государственных основ принялось приключаться. Но вот однажды по утру вновь заявила та странная старушка, что раньше всем бессмертие наколдовала.

– Это, – говорит. – что-то непонятное тут у вас творится, и я намерена это дело расследовать.

– Расследуй, бабуля. – ей говорят. – Взыскуй с виновного на всю катушку.

– Прямо сейчас, – говорит. – и приступлю.

Старушка на главной площади расположилась со всеми удобствами. Костерок разожгла. Заячьей да белячьей говядины в котле наварила, промеж миллиона слов свой десяток урезонов непонятных вслух пропустила, в кочегарный огонёк самоварного серебра на расплавку подбросила. Да каждому горожанину – из тех, кто до сих пор в живых остался – дала понемногу зелья своего отведать.

– Кто, – говорит. – тут есть убийца и душегуб, на того мистическая сила укажет. А мы его вмиг заарестуем.

Ну, и тут такое началось!.. Один гражданин зайца кушает – и ему всё ничего, только слегка икается да прикосорыливается. Другой беличью лапку глодает – ажно за ушами пищит от удовольствия. Чувствует, как настроение в неограниченные сферы приподымается. Даже ноги кренделями костромскими заплетаются, а ручонки за всяческих девок цепляются. Третий кушает – вроде как идохнет сперва, но вскоре оживает, зацветает пуще прежнего. Глазёнками забавно помаргивает, улыбочкой задорно шалапутит, языком дразнится. Балясник этакий.

Но вот пришла очередь и девочке гробовщика снадобье отведать. А она мудрит чего-то, хмурится всё неприглядно, ручонкой-то от снадобья отмахивается, говорит, что, дескать, на диете сидит!.. Не надо, мол, спасибо.

Тут все стали подозревать что-то неладное, ворчать. А гробовщик говорит ей строго-настрого:

– Девочка, а девочка! ну-тка кушай быстрее, что дают, не кочевряжься!

Девочка и принялась есть снадобье. Одну ложку съела – сидит как ни в чём не бывало, на белый свет с невинностью таращится. Другую ложку съела – слегка с оказией поперхнулась, но сплёвывать не стала, а продолжила сидеть да улыбаться. Дылдой этакой дурковатой. А вот когда третью ложку съела, тогда мозгами заколобродила, всем телом затряслась, а из внутренних кишок визглявым голосом запричитала: не смейте бедную девочку забижать! не смейте ребёночка охаивать!.. Но тут страшный гром загредел и земля затряслась, тьма сгустилась непроглядным образом, а все покойники из гробов повылезали и принялись на площади собираться. Собираются и в девочку пальцами тычут: вот, дескать, душегубка самая настоящая! такая маленькая, а уже по ней тюрьма плачет!..

Тут девочка во всём и призналась. Как морячка потопила в реке, как дровосеку голову топориком срубила, как прочих несчастных граждан в потёмках подкарауливала и безжалостно на тот свет отправляла. Во всём призналась и папеньке в ножки поклонилась: прости, дескать, батюшка!.. я ведь не за ради удовольствия грехи на душу брала, а за ради того, чтоб у тебя завсегда

работёнка была!.. А гробовщик тут на попятную попёр: не дочка ты мне, говорит, не бывало ещё такого, чтоб душегубка моею доченькой была!..

А затем встал в позу высочайшего смирения и сказал всем людям, что на площади собрались, и всем покойникам, которые в могилках своих не усидели, и старушке тоже сказал:

– Ежели мы это дьяволово отродье (дочурку-то мою) до полуночи казнить успеем, то тогда с миром и разойдёмся по домам. А ежели иначе случится, то тогда нам всем не жить!.. В ейном теле непременно бес обретается, и он нас всех тут уकोшит.

Все сразу гробовщику и поверили, девочку повязали крепкими верёвками и поволокли к городской виселице. Там уж старушка петельку смастерила, девочке на шею накинула и говорит:

– Молись давай скоренько, а то до полуночи четверть часа осталась.

Девочка, конечно, быстренько помолилась, всем горожанам в ноженьки поклонилась, у папеньки ещё раз прощения попросила, и казнь смертную безропотно приняла. Да только никто её не простил, и даже хоронить никто не захотел.

Бросили тело где-то от города неподалёку, вроде и до сих пор косточки валяются – их и собаки не грызут. Ох уж эти легкомысленные девочки!..

А старушка погостила в городе ещё чуток, поразмыслила о том да о сём.

– Дорогие граждане. – говорит. – Напрасно я колдовать взялась, нету с этого никакого проку. Теперь я перешепчу все свои заклинания назад, и наступит у вас жизнь такой же, какой была прежде. Будете рождаться и помирать, как все добрые люди на земле. Супротив божеского замысла, – говорит. – переть неразумно.

Так ведь тебя, дуру старую, об этом предупреждали ещё тридцать лет назад. Когда ты в губернской тюрьме сидела. За бродяжничество и ведовство срок мотала. Старушка ты этакая!..

КТО ПРАВ – ТОТ И СИЛЁН

(ПРО ТО, КАК ХИТРЫЙ ЦЕЛОВАЛЬНИК НА НЕЧИСТУЮ СИЛУ ОБОЗЛИЛСЯ)

На природу нечего сетовать, хотя и всякая дрянь в мире встречается, а тем более в сельской местности. В иных дремучих краях от нечистой силы спасения нет для простого человека. То гукнется в лесу, то в бору аукнется, а то молодые девки зачнут пропадать на овинах. Домой-то после ворочаются чуть свет, а от них и путного слова не добьёшься: всё только стыдливо хихикают!.. Смешно им.

А вот однажды один Леший целое стадо проигранных крыс гнал по большой дороге, и вот подогнал к кабаку (а лешие на крыс и зайцев играют в карты, всё равно как мы на деньги играем). Подогнал и кричит целовальнику:

– Отпирай, подай вина!

Тот сперва не дал, потому как у него поздняя ночь была, и для посетителей проходу не имелось. Наши целовальники по ночам либо гидролизный спирт бодяжат, либо самогон перегоняют, а затем в бутылки с коньячишкой подливают.

– Ступай-ка ты прочь. – говорит целовальник Лешему. – А не то собак спущу!..

Леший обиделся, взялся за угол кабака и чуток приподнял над землёй, кричит:

– Давай мне четверть водки!

Тот сразу испугался, поставил ему четверть водки. Леший одним духом выпил, денег не отдал, кабак с ног на голову перевернул и погнал крыс дальше.

– В следующий-то раз, – говорит. – буду забижать тебе, презрев всяческую добродетель. А сейчас мне некогда.

И захотелось этому целовальнику отомстить Лешему за обиду. По сусалам надавать или даже смертоубийство сотворить с печальным концом – короче говоря, этакое дело сотворить, чтоб знал нечистый, кому на Руси жить хорошо.

Вот он собрался скоренько в дорогу, кабак досочками заколотил. Все бутылки с пойлом вдребезги перебил – чтоб народ злополучным лакомством напрасно не смущать. Табличку повесил. Дескать, ушёл на базу. А сам отправился лешего отыскивать.

Шёл, шёл, приходит в лес. Видит, в лесу стоит избушка на курьих ножках: в лес лицом, а сюды к нему воронцом. Целовальник и говорит: «Избушка, избушка, будь добра, повернись сюды ко мне лицом, а туды от меня воронцом.» Избушка вдруг и повернулась. Не всякий день ей хорошего человека привечать доводится, зачастую такие охламоны по лесу шастают – водку жрут да на гитарах тренькают.

Целовальник заходит в избушку и видит: сидит Баба Яга, лён прядёт, а титьки на воронцы держит. Осинкой чахоточной трясётся. Пожилая женщина вроде как.

Ну, она ему и говорит без лишних предисловий:

– Куды, добрый человек, идёшь?

Вроде того, что на задушевный разговор претензии имеет.

– Я иду, – говорит тот. – по очень важным делам. И по всей видимости, – говорит. – иду туда, не знаю куда.

Ну, Баба Яга титьками слегка бултыхнула, вроде как закокетничала дамским манером.

– Вот ежели, – говорит. – выкрутасы твои маловразумительны, то залезай ко мне под бочок, прямо на печь. Отдохни со мной рядышком, пока то да сё.

– Отдыхать, – он её говорит. – после будем. Сперва дело надо делать.

– А какое-такое у тебя дело? – Баба Яга спрашивает. Да заодно в избушке успела прибраться, стол накрыть. Хлебушек нарезала. Сальца шмоток.

– Это, – говорит целовальник. – вопрос психологического свойства, его в пять минут не растолкуешь. Процесс моих намерений, – говорит. – во многом состоит из риторического плана, а потому моё дело не только от меня зависит. Тут целый абзац из непредвиденных обстоятельств.

– Чавось??

– Вот тебе и «чавось».

И рассказал ей про обиды свои на Лешего, про то, как по сусалам ему надавать следует. Ежели что и приврал на Лешего, так исключительно для красоты эффекта. Глубокого и афористичного.

А Баба-то Яга в ту пору с Лешим не дружила и зуб на него точила. Как раз сегодня в полночь точилка поломалась, и Яга в растерянность житейскую угодила, а тут целовальник со своей обидой ей в самый раз пришёлся!..

– Ты бы, бабушка, – он ей говорит. – посоветовала мне, эким манером Лешего до цугундера довести. А то тебя в народе всё старой хрычовкой величают, а я вижу, что ты бабуля вполне себе ничего, и панталончики кружевные.

Говорит и подмигивает.

– Ишь какой шустрый нашёлся. – лепечет ему Яга. – Я много чего на свете знаю, и про то, как ребятёночков заживо варить знаю, и про то, как кишечную палочку лечить знаю, а вот про то, как Лешему карачун смастерить – и слыхом не слыхивала.

– Значиться, большого проку от тебя не будет? – куксится целовальник. – Живёшь в лесу, молишься колесу. А я тебя чуть-было не полюбил душевно, хотел на крестины племянника пригласить. Сестрица-то моя уж который год обещает племянника народить.

– Может, толк и будет. – говорит ему Баба Яга и указывает из окошка неблизкую путь-дорогу. – Пойди-ка ты вон в ту сторонку, да в другую не заворачивай, да по прочим сторонам всегда оглядывайся, да под ноги пристально посматривай. А когда к Лешему прямо в домик угодишь – разбирайся с ним сам, на свой страх и риск.

И подарила мужику хорошую вещь – шапку-невидимку. Ну, вроде закадычные друзья теперь стали. Что ж не подарить?..

Идёт целовальник дальше по лесу, через гнилые колдобины перелезает, от нервных колик истово чурается. За каждый кусток вглядывается внимательно, пялится радетьельно: тут ли живёт Леший или не тут?.. Вскоре и добрёл до нужного домика. Видит, что у крыльца пень торчит, а на пне гриб говорящий шишиморит, всякого встречного-поперечного в гости заманивает. Накося да выкуси.

Целовальник про себя усмехнулся, а вслух сказал:

– Устал я с дороги. Зайти нешто чайку попить?

– А и зайди, не ленись! – гриб на кнопочку там у себя какую-то нажал, и дверца в домик распахнулась: – Самое время чайку-то попить!.. с вареньцем!!

Мужик неторопясь в дом заходит, в красный угол церемонно кланяется, а затем видит: в домике у Лешего королева живёт. Похитил её вражина лесной в стародавние времена, вот она с тех пор и живёт у него, за хозяйством следит. Но каждодневно слёзы горькие проливает и мечтает убежать поскорей. А как тут убежишь без посторонней помощи?.. А никак.

– Ты теперь, матушка-королева, слушай меня внимательно. – заговорил украдкой целовальник, а сам королеву к себе поближе прижимает и заодно любовью охмуряет. – Теперь, когда Леший в дом завалится, ты к нему поласковее будь и выведай ненароком, в чём его смерть заключается?.. Где её несомненно отыскать можно, чтоб злодея погубить?

– Именно так всё и сделаю. – говорит королева. – Поскольку уже влюблена в тебя без памяти, и готова с тобой хоть на край света.

Экая пигалица.

Вот наш целовальник одел шапку-невидимку и сполз в угол. Приходит вечером Леший к себе домой, пообедал чем Бог послал, да почему-то смурной вдруг стал.

- Отчего здись руським духом пахнет? – спрашивает у королевны.

- Ну, отчего-отчего... – королевна ему говорит, словно из уст мёд течёт. – Сами вот по Руси бегали, милостивый сударь, русского духу нахватались, оттого и здесь пахнет. Расскажите лучше, есть ли новости какие?.. Что случилось занятного у нас, на Руси?.. Допустим, папенька с маменькой мои как поживают?..

- Жулики, – говорит. – тамося сплошные завелися. У вас, на этой проклятуцей Руси. У спортсменов незаконные баночки с мельдонием выскивают поцём зря, и в наказание на кол сажают.

- Так я и думала. – королевна-то дурочку из себя строит. – Разваливается страна потихоньку, народ паршивеет. Спасибочки, что в своё время меня к себе жить затащили. Я тут, у вас, словно у Христа за пазухой.

- Да пожалуйста.

Леший тут лёг спать, а эту королевну заставил у себя на голове искать. Ну, королевна и стала искать, а сама потихоньку спрашивает, как бы она тут ни при чём:

- За спортсменов я всегда говорила, что они народец неблагонадёжный, до золота падкий. А вот расскажите-ка лучше, милостивый сударь, где ваша смерть обретается?

Леший разомлел от удовольствия, размурлыкался. И говорит:

- Моя смерть прямо здесь, неподалёку. У барана в дыре.

- Это который каракулевый у нас?

- Который каракулевый. – говорит.

Сам поспал, да опять на следующий день и ушёл. Ну, целовальник с королевной быстренько взяли каракулевого барана, убили и в дыру полезли. Ползут-ползут, шарятся по этой дыре во всю силу, а ничего кругом не видно.

- Эта подлюка лесная насмеялась над тобой. - целовальник-то королевну из дыры вытягивает и на постельку прикладывает. - Наврал про барана. Давай сегодня вечером всё заново устрой, и тот же вопрос про смерть спроси.

- Тут надо бы нечисть хорошенько ублажить. - задумалась королевна.

- Надо бы. - мужик вздыхает. - Подумай-ка, чего он у тебя больше всего на свете любит?..

- Водочку он больше всего на свете любит! - припомнила королевна.

И вот, чтоб послаще Лешего ублажить, она быстренько за водочкой в лесной лабаз сбегала, дождалась, когда тот домой придёт, и в ноженьки ему поклонилась:

- Как же так, - говорит. - получается. что вы меня обманываете постоянно?.. Я вот вам щец наварила, водочки купила, а вы меня за смертью в дыру баранью посылаете, а там и нет ничего.

Леший засмеялся и говорит:

- Нет, родненька, моя смерть никак не у барана в дыре, а вот есть остров на море-окияне, на том острове есть камень, под темь камнем заиц, а в заице щуцка, а в щуцке яйцо, а в том яйце моя смерть. А за водоцку тебе цпасибоцки огромные. Прямо сейчас её цекалдыкну.

Ну, вот Леший водочки выпил, поспал, да с утра ушёл по делам. Дел-то много у него в лесу. Невпроворот дел.

- Стало быть так. - говорит целовальник королевне, милашке-то своей. - Ты мне тут в дорогу пожрать собери, а я пойду эту щуку из зайца вылавливать и смерть добывать. Сиди тут, не балуй.

Королевна быстренько сварганила бутербродиков с колбаской, на грудь молодецкую кинулась с плачем:

– Ступай, – говорит. – да назад поскорей возвращайся. Поскольку, у меня к тебе любовь и всякое такое.

Целовальник и пошёл. Сильно поторопился месть лютую осуществить и пакостника погубить. До самого моря-окияна дошёл, встал на крутом берегу, смотрит по сторонам. Сами понимаете, что тут волны бушуют тревожно, молнии в дезабиле сверкают и чайки порхают, извлекая звуки предупредительного свойства. Навивают на сердце добра-молодца печаль и грусть окаянную. Неизлечимые травмы для психики.

Остров-то с камнем отсюда отлично виден, но добраться до него нет никакой возможности. По воде пешком не пойдёшь. «Я не знаю, как это всё называется; я думаю, это всё называется „картина репина приплыли“». – думает целовальник. – Я всегда презирал бесхозяйственность, а тут даже слов найти не могу, чтоб отругнуться. Самый простецкий мост не могли построить – тоже мне власти называются!..» Намекает открытым текстом, что сатрапы у власти притулились, а оттого зреют грозди народного гнева.

А тут вдруг нечто эфемерное по воздуху пролетело, и прямо при море-окияне фабрика корабельная открылась. Смотрит, целовальник, а на этой фабрике великаны-гамадрилы во всю шуруют. Выдёргивают громадные ёлки из земли и хлещут ими по морю-окияну. Там, где хорошенько похлещут – там корабль из глубин морских появляется и паруса распускает. Целую черноморскую флотилию нахлестали денька за три.

– Братцы-гамадрилы, – просит целовальник у великанов. – смастерите и мне кораблик какой-никакой, поскольку имею дело неотложное и первостатейное. За мной не заржавеет.

– Да с удовольствием, нам-то хоть бы хны. Но отгадай сперва три загадки.

– Три так три. – соглашается целовальник. – Сказывайте веселей. Озорники.

– Ну, – крутят свои плутни великаны-гамадрилы. – слушай тогда сюда. Вот тебе загадка первая. Что не лается не кусается, а до смерти догрызается?..

– Это же совесть, тишкина ты жизнь! – и минутки не помыслив, отвечает целовальник. – Сам не без греха, в мае родился – оттого и маюсь.

– Правильно, отгадал. – дивятся мужицкой соображалке великаны-гамадрилы. – А вот тебе вторая загадка. Что такое есть: с горки вползком, а в горку бегом?..

– Дак сопля это! – пришмыгнул носом целовальник. – Сам весь болезный по осенней распутице бываю – оттого и лекарств дома выше крыши. Укатали сивку крутые горки.

– Ну, – разводит руками самый главный великан. – уж на сколько я едрён, а этот дядька меня втрое едрёнее. Пускай отгадывает последнею загадку.

– Кабы не воспаление диоптрии, – целовальник жалуется, – я всех бы вас тут едрёно поимел!.. Загадывай давай.

– Что бывает такое: то имеется голова, а то нет головы, то есть голова, а то нет головы?

Долго думал целовальник, искручинился весь, а потом по лбу себе весело прихлопнул:

– Это когда пьяненький мужичок вдоль забора идёт. Пока нормалёхонько идёт – все видят его голову над забором, а как спотыкнётся – нет головы!.. Не видно. Вот так и получается: то есть, то нет.

Великаны-гамадрилы подивились мужицкому уму-разуму, шваркнули ёлкой по водам моря-окияна, и предстал на зыбкой глади фрегат с алыми парусами. Целовальник живенько на фрегат вскочил, фок-мачту за бизань-мачтой приладил и поплыл к вожденному острову. А там камешек легонько с места сковырнул, зайца за уши прихватил, в карман сунул и отправился восвояси. Справочки с собой в дорогу захватил – мало ли пригодятся от таможни отбрыкиваться – одну о задержке в умственном развитии, а другую, что на урановых рудниках пахал сверхурочно, вот ему государство в награду зайца подарило.

Долго ли коротко ли, а возвращается к лешачьей избе – а там всё по-прежнему: королева слёзы льёт, волки с голодухи по ночам воют, а сам хозяин бродит по землям русским и на добрых людей страху наводит.

– Суженый ты мой ряженный! – кинулась королева на шею целовальнику. – Я уж замаялась и ждать-то тебя, думала, что сгинешь и не вернёшься.

– Я и сам так думал. – говорит. – Да вот вернулся.

– Ну, вот теперь воочию вижу, что это взаправду ты вернулся. Теперь всё моё беспокойство, саднящее раны на сердце, как рукой сняло.

Конечно, ещё парочку каверзных вопросов задала – не загулял ли добрый молодец на чужой стороншке – да целовальник пальчиком ей пригрозил: в нашем деле, дескать, не без этого, но нынеча мной двигают иные помыслы!..

– Это заяц у тебя там что ли?.. – королева ему в карман тычет. – А точно ли смерть лешачья в нём?? Я ж тебя за смертью, помнится, посылала.

– Как раз в зайце и смерть. Ты, милочка, теперь так поступай решительным образом. Когда Леший домой возвратится, скажи ему, чтоб спать быстрее лёг, а я тут с зайцем и уткой-щуккой делов понаделаю и злодея погублю.

– Так и быть, всё как ты мне рассказал – всё так и сделаю. Совершенно на тебя, дескать, полагаюсь.

Ну и ладушки. Тут дело к ночи идёт, и возвращается Леший домой, а сам крепко недоволен – много добра, непосильным трудом нажитого, в карты проиграл.

– Отцего здись руським духом пахнет? – спрашивает.

А мужик-то наш в шапке-невидимке сидит при печи – вот его и не видно. Но попахивает, конечно, с дороги-то не умылся.

– Да брешешь, супостат. – сама королева ноздрями по углам попихала. – Вчерась только уборку делала, всё чисто в доме. Идите-ка вы лучше спать.

– И твоя правда, девонька, луце-ка я храпака задам. – зевает Леший, а пасть евонная – что твоя форточка с окна распахнутая. – Ты толецко мою любимую пеценку спой, а я зараз и усну накрепько.

Королевна и принялась петь про баю-баюшки-баю – не ложися на краю, а Леший сам не заметил, как уснул. Но одним глазком поглядывает: что интересного у него в дому делается?.. А целовальник шапку-невидимку резко с головы скинул, ножик из-за голенища вытащил и принялся зайца резать, чтоб утку из него вынуть поскорей. Да либо ножик оказался тупой, либо сноровки должной нет, а дело неспешно ладится.

– Может, шибануть топориком-то поперёк туловища? – королевна под руку нащёптывает, тоже ишь нетерпится нечистой силе рога пообрывать.

– Верно. – говорит. – Тащи сюды топорик.

Королевна только-было за топриком на склад рванула, да не тут-то было.

– Я вам счас покажу топорик! – Леший со своей кроватки быстро спрыгивает, кубарем катится и в два пальца свистит. – Крысоньки мои любезные, хватайте этих вороговь да гадюкь, что я на груди пригрел – грыците ихь насцмерть!

Королевна тут и замерла как вкопанная, а лешачьи крысы повыползали из всех щелей и принялись ей ноги отгрызать. Чуть ли не целый миллион их из подвала вылез, и все здоровущие такие!.. Привизгивают от удовольствия, хвостиками виляют да губами причмокивают – очень им понравилось сладенькое королевнино мясо. И кровища по всему дому хлещет кипящим огненным цветом. Смотрит целовальник: а уж пяточки королевнины обгрызены дочиста, надо что-то делать!..

– Нукась, заяц, – говорит строго. – отдавай мне утку!

И разорвал зайца пополам. Тут из заячьих нутрей утка вылетала, чтоб в окошко дёру дать. Но целовальник быстренько её за крылья прихватил и башкой ейной об притолок пристукнул – чтоб шибко летать не умела. Леший, как увидел такое дело, так весь затрясся да запёрхал; совсем не по нраву ему эта каверза пришлась.

– Упыри да вурдалаки, друзьяки мои родьненькие! – засвистел в пять с половиной пальцев Леший. – Поможите братуцке!!

И упыри да вурдалаки со всего леса примчались в сей же миг, принялись королевну душить своими лапищами корявыми, да из горла кровушку ейную сосать. А крысы уж и голени королевнины объели – прямо куски мяса вырывают, да между собой дерутся, чтоб кусок послаще достался. Чуть ли не друг дружку поубивать готовы.

– Нукась, утка, которая из зайца, слушай меня! – потребовал целовальник, цепляясь пальцем за уточий ректальный шланг. – Отдавай мне щуку!..

Щука тут и выскользнула прямёхонько из кишок уточных, пастью заклацала, глазами засверкала яростью иродовой. А в брюхе ейном оказалось яйцо лешачье. Переливается такое лиловым цветом, распалённым зигзагами грозового беснования. И по всем углам избы вдруг мрачные тени закувыркались, криворожие искры закружились.

– Спиногрыз-дружоцек! – засвистел отчаянно Леший. – Приди скорей сюда, помоги братуцке!!

И немедля из подпола вылез страховидный спиногрыз – весь в паутине да в липком чём-то. Из рта угар клубками валит, из ушей пар клочками трубит. «Чурчхела, пахвала да варёная кукуруза! – орёт диким голосом, да так, что в соседнем доме у соседа в ушах звенит. – Не тоскуем, не кукуем, налетаем и кайфуем!» И прямёхонько на королевнину спину насел сзади и принялся внутрь её вгрызаться – ажно рычит от удовольствия. Только мелкие королевнины косточки отплёвывает по сторонам и от упырей отбрыкивается.

– Нукась, щука, которая из утки, повинуйся мне. – целовальник щуку надвое разрывает и обеими кусками потряхивает. – Отдавай мне яйцо со смертью!..

Яйцо и выкатилось без остатку, да прямо посередь воздуха и зависло. Побледнело душноватой синевой немыслимого колера и затрепыхало, чуя близкую развязку всей истории.

– Русь ты подлая! сила ты могучая! – завопил Леший, уж совсем отчаявшись продолжать дальше свою паскудную жизнь. – Ты всему человечеству нервы

вымотала, никому покоя не даёшь!..

Тут уж целовальник вконец осерчал за такие нехорошие слова и хрястнул кулаком по яйцу. Сразу гром грянул, ближайший небосвод треснул, и вся эта самая паскудная жизнь лешачья прекратилась.

– Ещё встретимся, друзочек, ещё поговоримь!.. – сказал Леший на прощание, да сгинул куда-то.

И сам сгинул без следа и всех своих упырей да вурдалаков с крысами и спиногрызом за собой в адские муки утащил. А оттуда не возвращаются.

– Что-то мне совсем противно в этом доме находиться. – говорит целовальник. – У меня, в хозяйстве, завсегда порядок и душевность пребывают, а тут – чёрт его знает что!.. И одёжа-то в кровище замаралась.

– Самой тошно. – принялась королевна с себя замазюканную одежонку скидывать, раны перевязывать, укусы залечивать. Благо у Лешего множество всяких целебных средств оказалось в сундучке. Только лишней жизни не нашлось. Ну и ладно.

Вскочил целовальник с королевой на коня и поскакали они домой. Пришпандорил плёточкой хорошенько, чтоб конь поторапливался – дома-то и солома едома. Очень скоро они втроём куда надо прибыли – в облике искреннем и незамысловатом, словно бы наши прародители до грехопадения. Народ окрестный подивился их истории, но сомневаться не стал. Ибо в таких делах сомневаться – только горе на себя накликивать, ибо издавна в наших краях знают про лешачьи паскудства и прочие бесовские неурядицы.

И принялся целовальник с королевой жить-поживать. Снова водочкой приторговывает, закуской. Музыкантами обзавёлся для ублажения эстетических вкусов. Кордебалета две штуки прикупил у заезжего француза. Вроде бы всё хорошо в жизни наладилось.

Бабе Яге подарочек прислал. Может, и не шибко дорогой, да ведь важен не подарок, а внимание.

Но вот однажды выходит он из кабака и видит, что у крыльца стоит седой-преседой старик. По сути говоря, старикашка.

– Откуда ты, дедушка, взялся у меня тут? – спрашивает. – Раньше тебя такого тут не было.

– Раньше не было, а теперь есть. – вдруг говорит старик, земно кланяясь. – Спасибо тебе, дитяtko, ведь ты сюда на мне приехал.

– Как на тебе?

– А так. Похищен я был маленьким ребёночком в лесу этим подлюкой Лешим, оборотил он меня в коня, и всю жизнь я у него пробыл. Брёвна таскал по измороси, да овёс жрал. А вот пришёл ты, погубил Лешака, меня оседлал и сюда прискакал.

– Так чего ж ты сразу не сказал, что ты человек, а не конь? – спросил целовальник, а сам дивится такой ситуации, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Раньше не мог. – говорит старикашка. – Раньше я стеснялся такого чистосердечного признания. А теперича мне всё равно вдруг стало. Теперича мне всё равно помирать. Так лучше я старичком помру на законном основании, нежели каким-то лешачьим конём. Спасибо тебе, дитяtko.

– Да пожалуйста. Ты помирать-то здесь вознамерился или поближе к родным местам двинешься?

– Поближе к родным. – говорит. – Там ведь и берёзка должна расти, которую я ещё малюткой посадил. Хочется глянуть.

– Ну, глянь.

Ещё раз подивился целовальник этой нешуточной истории, накормил-напоил старика, да и отпустил помирать с Богом. Дал в дорогу котомку с хлебом и напутствовал добрым словом. Все мы люди на земле, и все помогать друг другу должны кто чем может.

Королевна-то опосля этому целовальнику детишек нарожала много-много, все они потом в ейном королевстве принцами стали, а она не захотела своего возлюбленного покидать, так и прожила с ним бок о бок до скончания дней своих. Ну и он тоже, конечно, помер. А что с тем стариком случилось – я не знаю.

ЖЕНА ИЗ МОГИЛЫ

(ПРО ТО, КАК РАЗНАЯ НЕЧИСТЬ СПОСОБНА ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА ДО ЦУГУНДЕРА ДОВЕСТИ)

Досюль играл один молодец с девицей три года без малого, колечки ей на именины дарил и целоваться лез, да замуж так и не взял. «Я, – говорит. – экспансивно не постигаю этих ваших официальных штучек, я человек простой и необязательный.» И выдали эту девицу за другого молодца. Она жила с мужем три года, выла по ночам в платочек, сжатый в кулак, да делать нечего. Потом сделалась нездоровая, стала у ней глотка больна. Потом её похоронили – поскольку она померла.

Все похоронные строгости справили по правилам, мужа от гроба еле оттащили, а детей у покойницы не было. Потом за столом погоревали малость и разошлись по домам – вроде в этом деле ничего интересного не намечалось. Вроде всё как обычно.

Вот она и жила в могилке шесть недель, каким-то неизъяснимым образом. Даже здоровьем поправилась и вылезла ночью наверх, чтоб глянуть, как да чего. Видит, что мир вокруг трепещет разными нарядами и кропотливой сущностью. И пошла к своему мужу.

А муж её из окошка увидел и не пустил в дом, говорит:

– Зачем же мне с тобой, покойницей, жить в супружеском согласии, если я пужлив чрезвычайно?.. Ступай-ка прочь.

Пришла она к родным отцу и матери, постучалась. А отец с матерью не поторопились её к себе запускать, в ночное время.

- Кто это там? – говорят. – Мы никого не звали.

- Да это дочка ваша, – говорит. – которая давеча померла. Вот, пришла в гости.

А эти спросонок не понимают ничего. Как же может дочка в гости проситься, ежели её гробик гвоздиками заколочен, а могилка аккуратно закопана?..

- Кто это? – спрашивают. – Не балуйте по ночам, девушка, а то милицию вызовем.

Пришла она сама к милиции, а та и вовсе в своём учреждении заперлась и видеть никого не желает.

- Чем поклянёшься, – говорит. – что ты та самая покойница, которую мы шесть недель назад хоронили?

- Зуб даю! – говорит.

- А здоровьем матери поклянёшься? – спрашивает.

- Чьей матери?

- Да твоей матери, той самой, к которой ты давеча в дверь постучала, а она не отперла.

- Ну, – говорит. – клянусь здоровьем своей матери.

- Даже если мы попросим поклясться, что у твоей матери голову отрежут, если ты поклянёшься и соврёшь, то ты и тогда поклянёшься?..

- Это, – говорит. – вы побаловаться со мной решили, а мне не до смеху.

Тут кто-то из милицейских мужичков чихнул, и сразу понятно стало, что покойница про себя правду сказала – завсегда милицейские товарищи чихают, когда люди правду говорят. Но одно дело, когда люди по ночам куролесят, а тут покойница. Страшное дело, надо сказать, когда граждане, опочившие в бозе,

в милицию сами приходят. Затаились мужички за дверьми учреждения, дышать боятся.

И тут девица-покойница опомнилась. Прислушалась к зову сердца. «Пойду-ка я, – думает. – к старопрежнему молодцу, что колечки мне на именины дарил. Вот ежели он меня раньше любил крепко, то пускай теперь к себе домой приглашает поиграть.» И пришла она к этому самому молодцу, села против окошка, пригорюнилась.

А тот тоже сидит у себя, в избе, у окна, припозднился. Пишет какую-то свою писульку по необходимости, и вроде как ничего постороннего не замечает. Вроде как сильно занят делом.

Она и говорит:

– Хватит белиберду строчить, бумагу портить, давай-ка с мёртвой девкой в игры веселиться!!!

И прямо в окно к нему лезет.

– Э нет, девонька, так у нас с тобой игры не заладятся. – схватил молодец со стола ножичек и принялся им в покойницу тыкать со всей мочи, чтоб она в окно не лезла. А та лезет. И ножичком не протыкивается.

Он тогда работника разбудил, который в сенях на полатах спал, и рассказал, что тут творится немыслимое. И они похватали топоры и пошли покойницу убивать насовсем. Надо сказать, что очень сильно они этим убийственным делом занимались, очень старательно. Да только всё мимо промахивались. Работник, как догадался, что покойницу топором не прошибёшь, так зачурался во всю и побежал куда-то прятаться. Испугался. что покойница его съест. Мертвецы-то известные обжоры – завсегда на кладбищах подъедают всё, что плохо лежит.

А она говорит молодцу старопрежнему:

– Мой милый да любезный, сам теперь видишь, что со мной не справиться. Вот возьми меня и женись на мне, а я тебя не съем.

– Ну, поклянись, что не врешь. – тот даже ружьё где-то добыл и на покойницу нацелил.

– Матерью клянусь. – говорит.

– Чьей матерью? – спрашивает.

– Давай, – говорит. – сперва своей матерью поклянусь, а потом, если захочешь, и твоей поклянусь.

Вот и ладно.

Он тогда её приобнял, чмокнул в щёчку, а она ему сказала:

– Ты меня гораздо не прижимай, мои косточки належались, не крепки ещё косточки. Потом как-нибудь наприжимаемся.

Он тогда работника прочь прогнал, а девицу взял в сою избу, замкнул в сенях на горнице и держал восемь недель, никому не показывая. И наигрались они за это время волю – само собой.

Потом пошли они в церковь, чтоб законным образом жениться, и чтоб всем добрым людям на глаза показываться без возражений. По округе-то разные слухи пошли, разные сплетни принялись ферментировать. У некоторых несознательных бабёнок языки этакую беспутную дребедень понесли, что у иного добропорядочного гражданина волосы дыбом вставали. Иные граждане, обозлившись на несознанку, вилы схватили и пообещали, что девицу забьют насмерть. Чтоб совсем ничего такого не было.

И милиция помалкивает. Только объявление у себя на дверях вывесила, дескать, пропала собака, а нашедшему обещано вознаграждение. Так чего её искать – собаку-то эту?.. Вон она у помойки шляется, хвостом вертит.

Вот этот молодец с девицей и пришли к самой церкви, оделись в подвенечные наряды. Смотрят: а всё вроде тут также, как раньше, а что-то вроде и не так. На самой паперти церковной не нищий калика перехожий руку тянет, а поп местный грязными патлами по ветру развеивает и рваной рясой пыль столбом

завивает.

- Батюшка, - спрашивают молодожёны наши. - что такое с тобой случилось?

- Подайте, - говорит. - мне копеечку на пропитание. Да такую, которая на рупь золотом похожая. Подайте, - говорит. - мне яблочка наливного, медку сладенького да икорки стерляжьей!..

А вот про то, что христом-богом надо просить - про то вслух не говорит. И глазёнками зыркает самым жадным образом. Вроде даже зубами поклацывает. А вокруг колоколенки вороны чернящего света кружатся-вертятся с харкающим карканьем, галдят какую-то свою дрянь несусветную. Крылами крест на маковке затемняют. А когда эти жених с невестой пригляделись, то увидели, что вовсе на маковке не православный крест выступает, а странная загогулина в виде двух копыт и двух рогов с торчащим сверху хвостом.

- Это что ж такое за безобразие? - спрашивает девица у попа, а тот разъяснить ничего не может.

И вот двери в церковь с гулким стуком отворились, знобящего сквозняка на волю выпустили и - с диковатым резким хохотом - молодожёнов вовнутрь пропустили. Те видят: тут и маменька с папенькой девицыны стоят, и муж ейный бывший на коленках у алтаря о чём-то бубнит, и всякие соседи с соседками по углам торчат безмолвно, только тихо покачиваются да головами кивают ехидным мановением. А по стенам, вместо икон, чьи-то косточки развешены, и будто бы по ним махонькие жадные пауки ползают и зубы натачивают.

- Это что ж такое за безобразие? - покойница-то у своего возлюбленного спрашивает, а смотрит хорошенько: тот весь язвами зарисовался с ног до головы и гной из глаз взялся источать!.. Нет, не такого молодца она себе в мужья желала!..

И догадалась тут наша покойница, что всё не так происходит, как она сперва подумала про себя. Догадалась, что все люди вокруг неё мертвы, а она одна и есть самая живая, настоящая. Сообразила, что теперь эти мертвецы хотят её душу погубить и тоже в свой мертвячий хоровод загрести. Догадалась, что бесы над ейным сознанием беспричинно измывались до сих пор.

– Ну, – говорит. – а в эти игры я играть не расположена!..

И принялась все свечки с подсвечников на пол скидывать да об стены швырять. Церковь-то наша издавна деревянной строилась, а потому загорелась быстро. Вспыхнула зараз. Девица едва успела на свет выскочить и убедиться в том, что никогда она не помирала, а злые бесы над ней по-всякому измывались. Как только церковь-то сгорела, так сразу вой по всей земле поволокся на пять лет, а после чего солнце тучи поразогнало, освятило грешную землю и живых людей откуда-то из своих запасов на волю повыпускало. Много всяких разных хороших людей в наши края прибыло: на ком хочешь – на том скорее и женись!.. Все живы-здоровы.

Тут девица и отыскала себе возлюбленного паренька, на себе женила. Зажили они мирком да ладком. Только по ночам под тускло-лунный свет девку выть подымало с постели, да она терпела. Не выла.

МАЛЫЙ ДА УДАЛЫЙ

(ПРО ТО, КАК БАБА С МУЖИКОМ РЕБЯТЁНКА РОЖАЛИ)

Жили были мужик да баба. Жили не скучно, только детей у них не было, а детей иметь очень хотелось. Вот баба и пошла к колдуну, а колдун дал ей два корешка и изрёк: съешь эти корешки ровно в полночь, запей водицей из речного омута, и тогда станешь беременна. Баба взяла корешки и отправилась восвояси.

Вот когда полночь настала, она корешки быстренько съела, водой из омута запила и стала ждать, чего будет. «Лишь бы, – думает. – не родилось у меня дитячко подпорченное.» В наших уездных местностях так повелось с недавних пор, что ребятишки какие-то подпорченные рожаются. Неудовлетворительные, в смысле умственных способностей. Ни к какому полезному делу в хозяйстве не приспособленные. День-деньской сидят на крылечке, ногами дрыгают да проклинаят судьбу-злодейку.

– Эдаких-то дармоедов нам даром не надо. – баба говорит. – А вот, как нарожу хорошенького пацанёнка, так грамоте его обучу, костюм городской выправлю

и отправлю на службу в администрацию сельсовета.

Ну, и прошло затем несколько дней, ничего с бабой не случилось, и она уж вздумала пойти к колдуну, чтоб взбучки дать.

А тут мужику понадобилось ехать в город, и баба осталась в доме одна. Наступил вечер. Легла баба на печь, зевнула в урочный час, дабы шибче сон на неё навалился со всех концов. А сна и нет почему-то. Час прошёл, другой, а нет сна.

«Что такое?» – думает. И на другой бок перевернулась, подушку кулаком умяла, зевнула эдак, что кости внутрих затряслись, а заснуть не может.

– Это, – говорит. – вестимо оттого, что я солёненького на ужин объелась. Сама знаю, что солёное кушать на ночь вредно, да ничего с собой поделать не могу. Мне бы, – говорит. – в подобных вопросах надо научиться держать себя в руках. Блюсти режим и всё такое.

И вот, прямо с завтрашнего дня, наказала себе учиться сдержанности, а пока решила поднапрячься духом и уснуть. Валерьянки там какой-то выпила. Возможно, тоже практически колдовской. Но не заснула, а заколобродила на грани апоплексического помешательства.

И вот, прямо в полночь, родился у ней ребёнок. Тихенький такой мальчонка родился, слегка глазиком косоватый – но уж тут бабе выбирать не приходится, бери чего дают. Она быстренько спеленала его и положила к себе на колени. Баюкает.

– Киска, брысь да киска, брысь! – поёт. – На дорожку не ложись! Наш Ванюшенька пойдёт – через киску упадёт!..

Ребёнок попервоначалу-то внимательно слушал, что ему баба поёт, а потом завозился в пелёнках, глазиком задёргал – видно, на шалопутную киску плохую думку завёл. «Да ладно, – думает баба. – у нас всё равно кошек нет. Потискать-то толком и некого.» Тут другая беда приключилась: кормить дитячко чем-то надо, а у бабы в грудях пусто. И молоко ещё с утра закончилось.

– Ну, – говорит. – ты спи пока маленький, а я буду думу думать, как тебя накормить и напоить.

– Мамаша! – тут ей чей-то голос слышится. – Я не знаю, о чём ты там думать собралась, а я есть хочу!.. Не дашь мне есть, так я тебя съем.

Баба перепугалась голоса, смотрит по сторонам: а в избе никого нет. Сперва подумала, что мужик ейный из города вернулся тихой сапой и теперь подшучивает. Но вроде нет такого тайного места в избе, чтоб мужику спрятаться. Изба-то, как говорится, метр на полтора. И в высоту два с лишком. А голос злобный совсем рядом с бабой слышится.

– Съем тебя да съем тебя! – говорит.

«Что такое?» – думает бабка. И видит: ребёнок, которого она давеча родила, прямо на неё пялится пристально, словно заживо сожрать хочет. Рожу-то до того скривил, что иному злыдню такую скривить ещё надо постараться. И вроде клыки из ребёночьего ротика выпростались и принялись посверкивать не к добру.

Испугалась баба, положила ребёнка в люльку, а сама стала другую колыбельную петь. Без кисок, без волчков, кусающих за бочок, без всяких дремотных двусмысленностей. Долго очень пела, устала, приглядывается: а вроде бы всё в избе тихо да сумеречно, лишь свечной огарок привычным треском шипит.

– Ну, – говорит. – видно, померещилась мне эта история с ребёнком, не может он невероятное окаянство в свои молодые лета учинить.

И легла спать.

Легла, значит, как ни в чём не бывало, одеялом накрылась с головой – вроде нашла в своём доме приличное убежище. Вдруг слышит, что ребёночек из люльки вылезает, об пол грохается со звоном необычайного свойства – как будто мячик резиновый – и ползёт по избе прямо к бабе в кровать. Ползёт да приговаривает: я тебя съем, баба! я тебя съем!.. А сам вроде розовенький такой и пухленький, но слегка смердящим запахом отдаёт.

Баба тут с кровати соскочила, ребёнка за шиворот схватила и в чулан бросила, словно ветошь негодную.

– Вот тут, – говорит. – и покоись теперь безвылазно, и жри, что найдёшь, а от меня отстань.

И дверь на запор заперла. И брёвнышком подпёрла. Слышит через минуту: зачавкал чем-то мальчонка в чулане, заурчал неуклюже. Точь-в-точь как из мамки молоко сосёт иное милое дитя. «Ну, – думает баба. – утро вечера мудреней; ежели завтра проснусь – то приму существенные меры по этому случаю, а пока некогда.» И вновь принялась засыпать.

В чулане сразу и чавканье прекратилось – вроде как успокоился ребялёнок, насытился чем-то. Вроде как тоже на сон его потянуло. Притомился.

Но чуть только первый озорной лучик дремоты принялся с бабой во сне хорохориться, как слышит она: брёвнышко отпадает, дверь из чулана отворяется и шажочки спотыкающиеся по избе пошлёпали. «Что такое?» – думает. Глаза открывает, а там видит, что ейный ребёнок вырос на целую дюжину и косыми глазищами своими по всей избе елозит.

– Ох, и съем я тебя, баба! – говорит. – Ох, и съем! Есть хочу!..

Баба, как ошпаренная, с кровати соскочила, дитёнка схватила, в горшок с крышкой запихнула да в печку закинула. Угольки подожгла.

– Это мы, – говорит. – ещё посмотрим, кто кого съест.

А не тут-то было. Ребёнок за два счёта весь горшок расковырял и всю печку расковырял; вылезает из-под печной трухи и лапами когтистыми помахивает: я тебя съем! я тебя съем!.. Баба выкатила из подпола бочку, в которой по осени огурцы солила, а сейчас в ней огурцов не было. Ребёнка ухватила за культяпку ноги (видать, когда он из-под печки вылезал, тогда ногу себе и покалечил), в бочку засадила и принялась водой из вёдер заливать, чтоб он захлебнулся и утонул.

Бултыхает дитяtko ручонками своими корявыми в этой бочке, пузыри пускает, но зрачками строчит, словно разрядом электрическим. Да бормочет безжалостно: съем я тебя, баба! ох уж я тебя и съем!.. Я ведь колдовское отродье, и жалости не ведаю!..

Тут из пасти его вывалились сразу три языка, заегозили прожорливыми змеями мертвенно-осклизлого вида, а потом и ещё вывалились из пасти языки, ещё и ещё вывалились – числом гораздо более трёх – а уж, когда баба утомилась их клещами вырывать да в сторону отбрасывать, тогда из всех ребёночьих щелей острые зубья повылезали и алчно заклацали: мы тебя съедим! мы тебя съедим!.. И внутри головы ребёнка будто всхрапнуло нечто непонятное, зазвякало лязгом и захохотало самым мерзким смехом. «Не дожить тебе до утра, – гудит похоронным гоготом. – баба, я тебя съем!..»

А был у бабы сундук кованый с тридесатью замками и хранила она в нём платье подвенечное, и прочие семейные драгоценности хранила, которые жаль было выкинуть. Но сейчас уж такой час пробил, что вовсе не до них. Баба этот сундук открыла, живенько от хлама освободила и, поддев на вилы ребёнка, испакостившегося донельзя, в этот сундук закинула. Крышкой хлопнула, замков повесила да всякой тяжёлой дряни сверху приместила. Табуретки там да утюги с котелками. Создала что-то вроде погребальной пирамиды.

– Ну, – говорит. – теперь до утра как-нибудь дотяну, а там уж петух прокукарекает трижды, и возможно мне облегчение на сей случай выйдет.

Хочется верить, что именно так всё и получилось бы у бабы, да, однако, злобный голосок ребёнка из сундука никак не умолкал, всё поскрёживал да похрястывал: съем я тебя, баба! теперь точно тебя съем, до того разозлила ты меня!.. И сундук принялся встряхиваться, раскачиваться по чуть-чуть, вроде нехотя. Вправо-влево стал покачиваться, об стенку боком постукивать, словно часики тикают: тик-так, тик-так! бабу съем! бабу съем!..

А тут вдруг кто-то постучался у окна. Баба обрадовалась такому привычному стуку и спрашивает:

– Кто там?

– Странник.

- То есть, не из здешних будете?

- Вовсе нет.

Баба и побежала отпираться.

- Что вам угодно? - говорит. - И учтите, что мой муж домой вернётся с минуты на минуту. А он у меня ревнивый

Странник говорит:

- Нет, за мужа вашего я не беспокоюсь, мне бы лишь где-нибудь голову приклонить и поспать часок-другой.

- Ах так. - говорит. - Ну, тогда заходите. Странник вошёл в избу и, ничуть не мешкая, залез на бабину кровать. Саму бабу прогнал на полаты. Говорит, таков закон гостеприимства. На первый взгляд - совсем никудышный странник, из породы древних старикашек. Понятное дело, что притомился с дороги. Вроде даже захрапел с налёту, заснул накрепко, а вот бабе совсем не спится. В голове одна мысль дурней другой.

Никогда досель она с подобными событиями не сталкивалась. И прабабка ейная ничего такого не сказывала. Хотя прабабка была из шепутных, и много разных имперфектов повидала. В тринадцатом году за декабриста замуж выскочила, а в четырнадцатом за ним же следом на каторгу пошла. Там же, на каторге, родного мужа на другого декабриста променяла, и в пятнадцатом году домой вернулась. Чтоб правнучкам на уши лапшу вешать. Но вот никогда про страховидных дитяток ничего не сказывала.

И вот вдруг видит баба: выскочил ребёнок из сундука, полез на бабину кровать, поскольку подумал, что евонная мамка до сих пор там валяется, и говорит: я тебя съем! я тебя съем!.. А на кровати-то старик дрых. Лежал, посапывал, пока не почувствовал, что какая-то нечисть ему зубами в огузок вцепилась.

- Кто тут? - орёт благим матом. - Анукась кыш, проклятый!..

– Нет, я тебя съем, я тебя съем! – дитёнок коготочками за плоть стариковскую цепляет.

Но старик оказался не промах, трижды перекрестил ребёнка и ударил по голове котомкой. А в котомке – как потом выяснилось – лежала умная странническая книга. «Наука и Атеизм» называлась. Ребёнка тут и не стало вовсе, словно испарился утренней росой на ромашковом поле, а на столе избы очутились два колдовских корешка. Старик взял корешки, сжѐг их на огне свечи и тут же пошёл вон. Как будто и не приходил никогда и в окно не стучал. И неизвестно в какую сторону пошёл.

А вскоре возвращается бабин мужик, вроде малость выпил.

– А чего-то мне кажется, – говорит. – что когда я уходил, у нас в целости печка была. Пироги пекла. А где она сейчас, спросить стесняюсь?..

– Поломалась. – баба говорит. – Срок ейный иссякнул. Всему, значит, имеется свой срок...

И поняла баба, что наблюдается у ней такая задача на земле – быть завсегда бездетной, и что надо дорожить этим своим долгом как следует. Слово любой из нас дорожит одним своим хорошим местом. А детей пускай другие бабы рожают. У нас, право слово, других баб полно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/evstaf-ev_aleksey/strashnye-skazki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)